

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 903.5«653»(571.1)

В.А. Борисов, А.М. Илюшин, М.Г. Сулейменов

*Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,
Кемерово, Россия*

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПОГРЕБЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭЛИТЫ В УРСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МИКРОРАЙОНЕ

Представлены результаты раскопок на курганной группе Бирюля в Урском археологическом микрорайоне на территории Кузнецкой котловины. Материалы раскопок рассматриваются как единый своеобразный погребальный комплекс, требующий обоснования датировки и этнокультурной интерпретации. Описываются, классифицируются и анализируются элементы погребального обряда и инвентаря. На основе типологической классификации находок проводится сравнительный анализ с материалами из погребальных памятников Кузнецкой котловины и сопредельных территорий. В процессе исследования выделены средневековые памятники, имеющие наибольшее сходство с исследуемым погребальным комплексом: курган-кладбище Сапогово-2 и курганные могильники Сапогово и Саратовка. По аналогиям инвентарю и близости погребальных памятников курганная группа Бирюля была датирована XI–XII вв. и отнесена к саратовской археологической культуре на третьем этапе ее развития в Кузнецкой котловине. Отмечено, что исследованный погребальный комплекс относится к категории элитных и обладает высоким уровнем уникальности по отношению к синхронным и однокультурным памятникам.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, саратовская культура, средневековье, погребальный памятник, инвентарь.

DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-01

Введение

Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции (ККАЭЭ) в долине среднего течения р. Ур на территории Гурьевского, Беловского и Ленинск-Кузнецкого районов Кемеровской области проводятся с начала 1990-х гг. Это позволило сформировать программу исследования «Урского археологического микрорайона», открыть ряд новых памятников и провести раскопки отдельных из них. Одним из таких объектов является курганная группа Бирюля. По результатам частичных раскопок этого памятника в научный оборот была введена справочная и первичная информация по исследованию единичных находок [Борисов, 2007, с. 39–42; Илюшин, 2010, с. 120–133; Король, 2008, табл. 12.-8, 13], но по всей совокупности данных материалы раскопок не были опубликованы. При этом курганная группа Бирюля представляет собой яркий и своеобразный археологический комплекс средневекового населения Кузнецкой котловины, который является ценным вещественным источником по истории региона и сопредельных территорий северной периферии Саяно-Алтая. Цель настоящей работы – опубликовать в полном объеме материалы раскопок этого памятника, дать их первичный анализ и ответить на вопросы о его хронологии и этнокультурной принадлежности. Для достижения этой цели нами будут использоваться различные методы исследования вещественных источников: описание, типологическая классификация находок и элементов погребального обряда, систематизация источников и их сравнительно-исторический анализ.

Результаты полевых исследований

Курганная группа Бирюля расположена на поле, которое систематически используется для посевов зерновых культур и под сенокос, в 2,3 км к северо-востоку от уже не существующей ст. Бирюля, в 3,3 км от пос. Родниковского, в 4,3 км на юг-юго-запад от с. Саратовка и 4,7 км на юго-восток от с. Ур-Бедари в долине среднего течения р. Ур, в 3,8 км на юг-юго-восток от ее правого берега, в межгорной котловине, образуемой отрогами Салаирского кряжа и Тараданоского увала в Гурьевском районе Кемеровской области. Памятник открыт в 2002 г. и частично раскопан сотрудниками ККАЭЭ в 2006 г. [Илюшин, 2003, с. 16–18; 2006, с. 6–11; Илюшин, Борисов, Бутьян, Сулейменов, 2007, с. 100; 2009, с. 574–575; Илюшин, Ковалевский, 2003, с. 366–367]. Цель исследований 2006 г. заключалась в том, чтобы дать оценку современного состояния памятника и провести ограниченные раскопки для уточнения датировки и культурной интерпретации объекта археологического наследия.

При исследовании курганной группы Бирюля в 2006 г. на памятнике были зафиксированы шесть объектов. Они представляли собой курганные земляные насыпи, заросшие густым травяным покровом. Все насыпи имели округлую форму, а их диаметр и высота колебались в пределах 10–15 м и 0,15–0,45 м. Объекты располагались по линии Ю–С на расстояние 200 м. Сравнение данных картографии и планиграфии памятника позволили сделать вывод, что он был открыт сотрудниками ККАЭЭ в 1993 г. и назван тогда «Курганная группа Саратовка-3» [Илюшин, 1993а, с. 7–8, рис. 11.-12]. Сравнение результатов обследований памятника в 2002 и 2006 гг. с данными 10-летней давности свидетельствует о том, что объект культурного наследия, несмотря на то что располагается на одном месте, значительно изменил свой внешний вид после 1993 г. Земля, на которой находится памятник, стала частным владением, курганные насыпи подверглись сильной распахке. Это привело к изменению ландшафта и увеличению количества травяного покрова. Как результат из семи курганов, зафиксированных в 1993 г., в 2002 и 2006 гг. нами выявлены уже только шесть курганов, насыпи которых значительно уменьшились. В 1993 г. все курганы имели следы грабительских раскопов, а в 2002 и 2006 гг. они уже прослеживались лишь частично на кургане №1. На основе данных полевых исследований 2006 г. археологический памятник был назван «Курганная группа Бирюля» и под этим названием в 2007 г. вошел в перечень выявленных объектов культурного наследия Кемеровской области [Историко-культурное наследие Кузбасса, 2007, с. 77].

В 2006 г. на Бирюле раскопаны курганы №1–3. Под насыпями курганов №2 и 3 археологические находки отсутствовали, что позволяет интерпретировать их как курганы-кенотафы, а при раскопках кургана №1 зафиксированы многочисленные находки. Приводим описание результатов полевого исследования этого объекта.

Курган №1 находился в северной части памятника (координаты по WGS-84 N–54°24'07.8"; E–85°58'39.3"). Это была округлая сильно задернованная земляная насыпь диаметром 11,5 м, которая в центральной части возвышалась на 0,4–0,42 м над прилегающей к насыпи естественной поверхностью (рис. 1). По профилю бровки раскопа курганная насыпь на 0,85 м возвышалась над уровнем материка (светло-серый суглинок) и состояла из слоя дерна 0,16–0,18 м, чернозема 0,23–0,56 м и погребенной почвы (смешанный слой чернозема и светло-серого суглинка) 0,07–0,11 м. В ходе раскопок насыпи на втором (глубина 0,29–0,56 м) и третьем (глубина 0,57–0,84 м) слое практически по всей площади раскопа зафиксированы единичные мелкие кальцинированные кости людей и лошадей, а также мелкие древесные угли. Всего было собра-

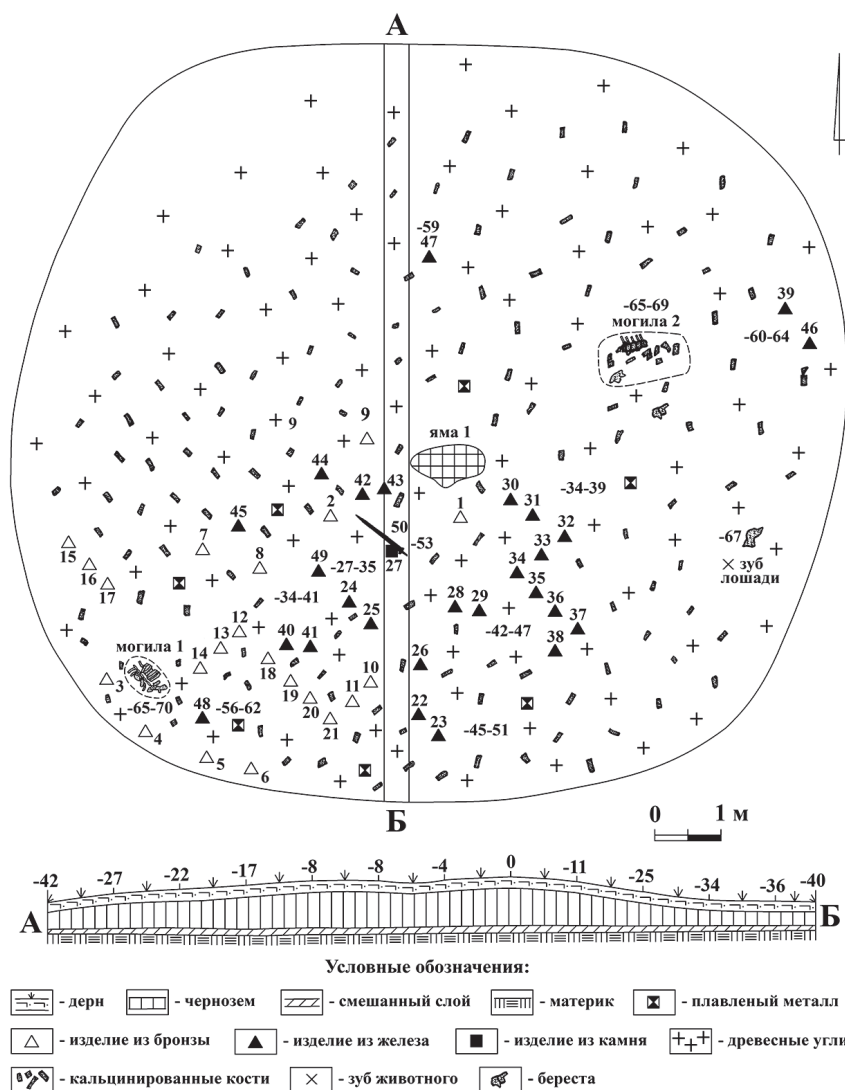

Рис. 1. Курганная группа Бирюля. План и профиль бровки раскопа кургана №1.

Находки: 1 – тройник; 2 – бубенчик; 3 – фрагмент бубенца; 4, 9, 10, 14, 15, 17, 18 – наконечники ремней; 5–7, 13, 19–21 – бляхи-накладки; 8 – серьга; 11, 12 – ременные обоймы; 16, 26, 38 – пряжки; 22 – удила; 23, 25 – фрагменты удил; 24 – фрагмент стремени; 27 – оселок; 28–31, 35–37 – бляхи-накладки; 32–34 – наконечники ремней; 39–44 – наконечники стрел; 45 – топор; 46 – тесло; 47, 48 – ножи; 49 – кресало; 50 – палаш (1–21 – бронза, 22–26, 28–53 – железо, 27 – камень)

но 320 кальцинированных фрагментов, общий вес которых составил 450 г. Древесных угольков найдено 187 экз. общим весом 200 г. В юго-западной части насыпи на глубине 0,67 м был обнаружен зуб лошади. В западной и юго-западной частях насыпи кургана на глубине 0,65–0,67 м оказались миниатюрные фрагменты бересты (рис. 1). Среди кальцинированных косточек и древесных углей в неупорядоченном состоянии най-

дены многочисленные предметы с явными признаками воздействия на них огня, а также оплавленные предметы, потерявшие свою первоначальную форму и не поддающиеся реконструкции. Среди находок имелись изделия из бронзы (тройник, бубенчик, фрагмент бубенца, наконечники ремней, бляхи-накладки, серьга, ременные обоймы, пряжка) и из железа (удила, фрагменты удил, фрагмент стремени, пряжка, бляхи-накладки, наконечники ремней, наконечники стрел, топор, тесло, ножи, кресало), которые преимущественно располагались в южной и юго-западных частях насыпи кургана (рис. 1; 2.-1-21*; 3.-22-26, 28-38; 4.-39-49). Можно предполагать, что лишь две находки сохранились в первоначальном положении – это фрагменты железного палаша и каменного точила (оселок), используемого для его заточки. Они обнаружены в центре на глубине 0,5–0,53 м (рис. 1; 3.-27; 5.-50, А-Г). При исследовании кургана выявлены две могилы, в которых были совершены захоронения человека с лошадью по обряду кремации на стороне, и одна грунтовая яма.

Яма 1 располагалась в центре под курганной насыпью. Она до 0,3 м оказалась углублена в материк, имела неправильную овальную форму размерами 0,98×0,59 м

Рис. 2. Курганная группа Бируля. Курган №1. Находки из насыпи: 1 – тройник; 2 – бубенчик; 3 – фрагмент бубенца; 4, 9, 10, 14, 15, 17, 18 – наконечники ремней; 5–7, 13, 19–21 – бляхи-накладки; 8 – серьга; 11, 12 – ременные обоймы; 16 – пряжка (1–21 – бронза)

* Здесь и далее нумерация изображений находок соответствуют их обозначениям на генеральном плане (рис. 1).

и была вытянута длинной осью по линии З–В. При выборке заполнения (смешанный слой из материковой глины и чернозема), просеивании и зачистки в яме на разных глубинах найдены единичные мелкие древесные угольки и кальцинированные кости. Никаких вещей в яме не обнаружено (рис. 1). Это позволяет интерпретировать грунтовую яму как следы грабительского раскопа.

Могилы-1 – наземная, сильно разрушена при распашке насыпи кургана. Она располагалась под юго-юго-западной полой насыпи кургана на глубине 0,65–0,7 м. Могила длинной осью была ориентирована по линии ЮВ–СЗ, но ее первоначальные размеры по причине распашки установить невозможно. На площади 0,76×0,42 м зафиксированы кальцинированные кости человека и сильно обожженные фрагменты

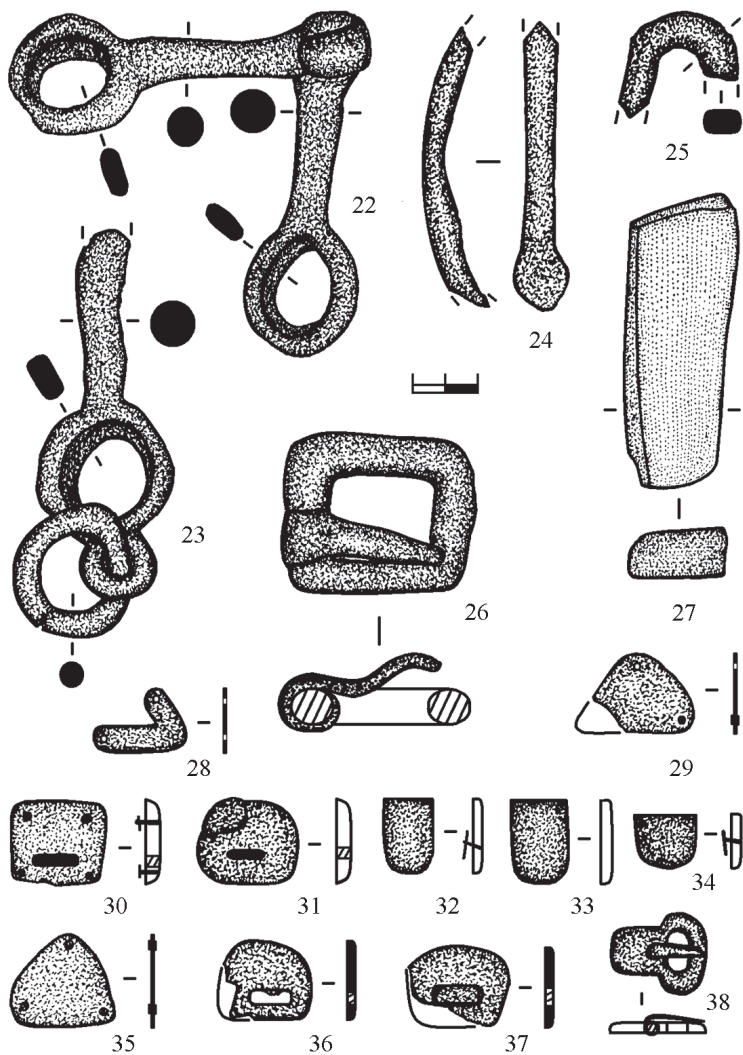

Рис. 3. Курганная группа Бирюля. Курган №1. Находки из насыпи: 22 – удила; 23, 25 – фрагменты удил; 24 – фрагмент стремени; 26, 38 – пряжки; 27 – оселок; 28–31, 35–37 – бляхи-накладки; 32–34 – наконечники ремней (22–26, 28–38 – железо, 27 – камень)

скелета лошади (задняя часть туши с позвонками и костями таза, сохранившими анатомический порядок), побывавшие в погребальном костре. Они частично лежали на берестяном настиле. Вещей в могиле не оказалось (рис. 1).

Могилы-2 – наземная, сильно разрушена при распашке насыпи кургана. Она располагалась под восточно-северо-восточной полой насыпи кургана на глубине 0,65–0,69 м. Могила длинной осью была ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, но ее первоначальные размеры по причине распашки установить невозможно. На площади 0,61×0,28 м зафиксированы кальцинированные кости человека и сильно обожженные фрагменты скелета лошади (в анатомическом порядке лежали отдельные позвонки спины и ребра и фрагментарно – кости ног и таза), побывавшие в погребальном костре. Они частично лежали на берестяном настиле. Вещи в могиле отсутствовали (рис. 1).

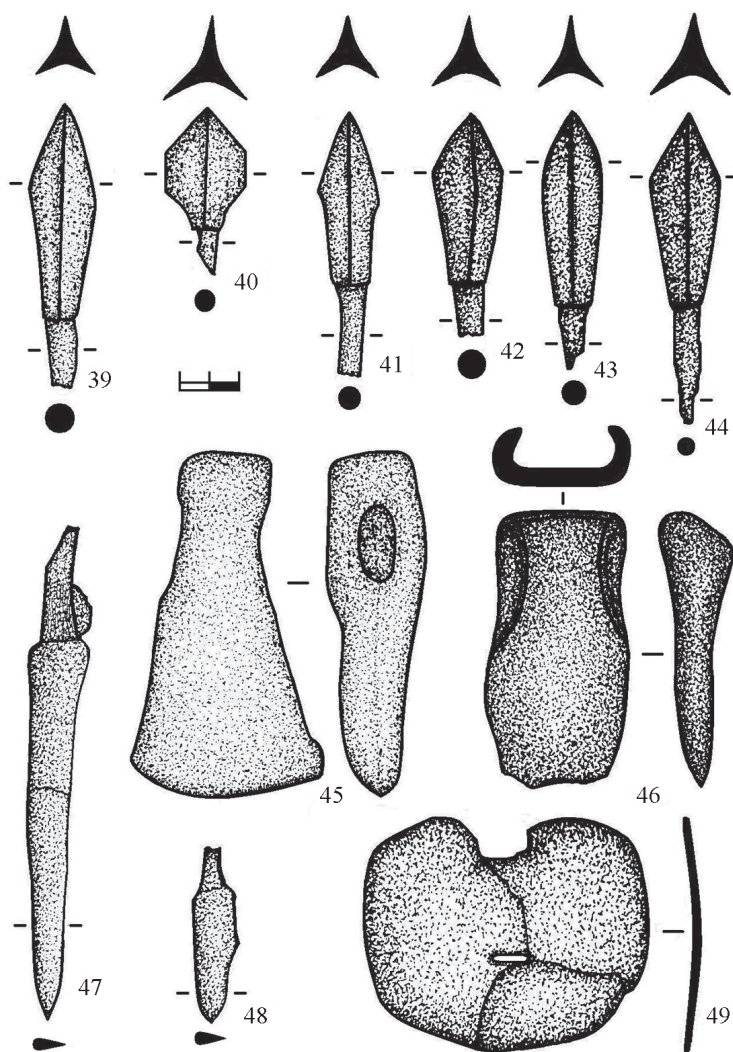

Рис. 4. Курганная группа Бирюля. Курган №1. Находки из насыпи: 39–44 – наконечники стрел; 45 – топор; 46 – тесло; 47, 48 – ножи; 49 – кресало (39–49 – железо)

Анализ результатов раскопок

Расположение мелких кальцинированных косточек, древесных углей и находок позволяет реконструировать способ захоронения. Можно предполагать, что погребенные вместе с лошадьми были сожжены на погребальных кострах, а затем их останки вместе с погребальным инвентарем (частично побывавшим в огне) и древесными углями переместили на берестяные подстилки, устроенные на уровне древней дневной поверхности. После над могилами возводилась одна земляная насыпь. Курган подвергался ограблению, о чем свидетельствуют провал в центральной части земляной насыпи и грунтовая яма в материке. Но самые сильные разрушения этому объекту историко-культурного наследия нанесены

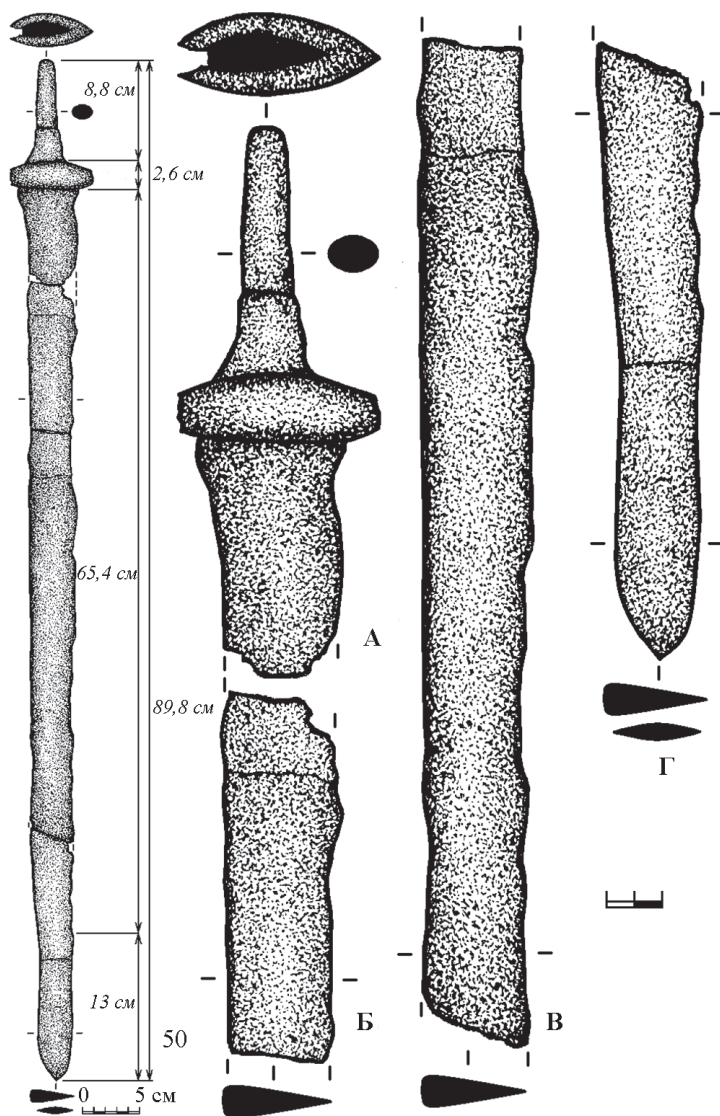

Рис. 5. Находки из кургана №1:
А, Б, В, Г – фрагменты железного палаша; 50 – реконструкция палаша

в результате неоднократной распушки. Практически полностью разрушены могилы, а материал, который располагался в них, был перемещен по всей курганной насыпи и, видимо, частично за ее пределы. В пользу этой гипотезы указывает факт, что под насыпью кургана зафиксированы два сильно разрушенных скопления кальцинированных костей человека и лошади, которые интерпретированы как могилы. Обе они находились под полами курганной насыпи на глубине 25–40 см от современной поверхности и явно были доступны для частичного разрушения плугом.

В целом, оценивая результаты раскопок кургана, можно констатировать, что все находки из него представляют собой единый культурный комплекс. Это позволяет провести сравнительный анализ артефактов для датировки памятника и определения его культурной принадлежности.

Комплекс находок представлен предметами вооружения (рис. 4.-39–48; 5.-50), конского снаряжения (рис. 2.-1, 4–6, 9–20; 3.-22–26), одежды и украшения (рис. 2.-7, 8; 3.-28–38), культовыми изделиями (рис. 2.-2, 3), предметами быта и орудиями труда (рис. 3.-27; 4.-49).

Все предметы вооружения изготовлены из железа и оказались средствами ведения дистанционного (наконечники стрел) и ближнего (палаш, топор, тесло, ножи) боя. Наконечники стрел при классификации можно отнести к отделу черешковых, группе трехлопастных, а по форме пера – к двум типам: асимметрично-ромбические (рис. 4.-39, 41–44) и шестиугольные (рис. 4.-40). Период бытования на территории Кузнецкой котловины первого типа наконечников стрел определяется в пределах 2-й половины VIII – XII в., а второго – VIII–XII вв. [Илюшин, 2010, с. 121]. Аналогичные типы наконечники стрел в этом регионе выявлены на погребальных памятниках саратовской (Сапогово, Сапогово-2, Саратовка, и Есаулка) и шандинской (Сапогово-1 и Мусохраново-3) археологических культур [Илюшин, 2005, с. 109–126; 2017б, с. 144–151].

Длина палаша, который найден в кургане, составляет 89,8 см (рис. 5.-50). Из них длина рукояти составляет 8,8 см, высота перекрестья – 2,6 см, длина клинка – 65,4 см. Ю.С. Худяков [1980, с. 34–39; 1997, с. 16–18] при классификации палашей, аналогичных найденному в кургане, относил их к группе трехгранных с обоюдоострым острием, к типу с ладьевидным перекрестьем. Из наших наблюдений следует, что рассматриваемое изделие имеет отдельные черты, характерные для ранних форм сабель. На это указывает рукоять, которая начинается от спинки основания клинка и имеет небольшой наклон в сторону лезвия, а также двусторонняя заточка окончания клинка (13 см) и его едва заметный (до 0,7 см) изгиб. На территории Кузнецкой котловины средневековые палаша являются редкими находками в воинских захоронениях, подчеркивают высокий социальный статус погребенных. Они были найдены на погребальных памятниках Калтышино-1, Сапогово, Шабаново-3 и Саратовка, которые датированы разными интервалами в пределах 2-й половины VIII – XIII в. [Илюшин, 1998, с. 54–78, рис. 14.-1; 1999а, с. 28–29, рис. 57.-1–6; 2016, с. 12–15; Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, с. 21–22, рис. 37.-1; 46.-1–4; Савинов, 1997, с. 77–99, рис. 6.-12].

На территории Хакасии палаш был ведущим рубяще-колющим оружием у кыргызов в IX–XII вв. и употреблялся ими в XIII–XIV вв. [Худяков, 1980, с. 39; 1997, с. 16–18]. На территории Алтая палаша этого типа характеризуются как поздние, а время их использования определяется в пределах 2-й половины IX – XII в. [Горбунов, 2006, с. 66].

Найденный боевой топор (рис. 4.-45) по наличию проуха и сечению полотна относится к группе проушных, трехгранных, а по форме обушка и лезвия – к типу узко-

лезвийных, низкообушных. В Кузнецкой котловине боевой топор такого типа (кроме Бирюли) был найден на кургане-кладбище Сапогово-2, датированном началом II тыс. [Илюшин, 1997, рис. 19.-13; 27.-8]. В специальной работе, посвященной средневековым боевым топорам из Кузнецкой котловины, делается вывод, что низкообушные боевые топоры появляются и функционируют в этом регионе в XI–XII вв. и являются маркерами высокого социального положения владельца [Илюшин, 2009, с. 96–100]. На сопредельных с Кузнецкой котловиной территориях Алтая и Минусинской котловины боевые топоры этого типа бытовали во 2-й половине VIII – XIV в. [Горбунов, 2006, с. 85] и в IX–XII вв. [Худяков, 1980, с. 62–65, табл. 6].

Найденное в насыпи кургана тесло (рис. 1; 4.-46) относится к группе железных узколезвийных с несомкнутой втулкой, к типу равновеликих (или без плечиков). Такие изделия широко использовались населением Саяно-Алтая и Верхнего Приобья в раннем и развитии средневековья [Адамов, 2000, с. 48–49; Беликова, 1996, с. 64–67; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 107.-4, 5; Илюшин, 2005, табл. 4.-128–134; 8.-46–50; 13.-72–74; 16.-30; Нестеров, 1991, с. 168–172; Плетнева, 1997, с. 80–81; Тишкин, 2009, рис. 48.-1; 71.-1; 72.-6; 88.-1; 94.-1; Троицкая, Новиков, 1998, с. 25–26; и др.]. Ножи, найденные в кургане (рис. 1; 4.-47, 48), относятся к группе железных прямых и к двум типам: большие и маленькие без перекрестья. Они, как и тесла, имели полифункциональное назначение и широко использовались средневековым населением Кузнецкой котловины [Илюшин, 2005].

Предметы конского снаряжения представлены украшениями узды, фрагментами стремян, удила и подпружной пряжкой (рис. 2.-1–7, 9–20; 3.-22–26). Фрагменты железных удила относятся к двум типам: однокольчатые, состоящие из двух звеньев с одним сомкнутом кольцом на каждом внешнем конце (рис. 3.-22), и двухкольчатые, звенья которых имеют два неподвижных кольца, расположенных в одной плоскости на внешних концах звеньев (рис. 3.-23). Второй тип удила снабжен псалием, классифицируемым как кольчатый маленький (рис. 3.-23). Первый тип удила на территории Кузнецкой котловины бытовал на всем протяжении эпохи Средневековья, а второй, в комбинации с миниатюрными кольцевыми псалиями, выявлен на погребальных памятниках Шанда (XI–XII вв.), Сапогово-2 (XI–XII вв.), Шабаново-3 (XI–XIII вв.) и Торопово-1 (XIII–XIV вв.) [Илюшин, 1993б, с. 26, рис. 37.-7; 1997, с. 28, рис. 20.-2; 1998, с. 54–78, рис. 9.-3; 1999б, с. 42, рис. 58.-1].

Железная подпружная пряжка (рис. 3.-26) относится к типу рамчатых четырехугольных с подвижным язычком, который известен в Кузнецкой котловине на могильнике Сапогово (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.) [Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, с. 25, рис. 35.-1]. На территории Горного Алтая аналогичная пряжка выявлена на могильнике Кудыргэ в кургане №74 монгольского времени [Нестеров, Милютин, 1995, рис. 9.-2].

Украшения конского снаряжения представлены бронзовым тройником, наконечниками ремней, бляхами-накладками, ременными обоймами и пряжкой (рис. 2.-1, 4–7, 9–18, 19–21). Бронзовая пряжка (рис. 2.-16) относится к типу овальнорамчатых, цельнолитых с неподвижным щитком с заваленным краем окончания. Этот тип пряжек на территории Кузнецкой котловины бытовал со 2-й половины VIII по XII в. и зафиксирован на погребальных памятниках (Сапогово, Саратовка, Мостовая, Сапогово-2) саратовской археологической культуры [Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, с. 25, рис. 51.-40, 42; Илюшин, 1990, с. 51, рис. 4.-8; 7.-11–13; 1997, с. 30, рис. 21.-13; 30.-21, 23; 31.-15; 1999а, с. 32; рис. 4.-3, 25, 29; 58.-29; 2017, с. 38–41]. Бронзовые ременные обой-

мы относятся к типу подчетырёхугольных с рифленой гранью. Такие изделия в Кузнецкой котловине известны на памятниках Сапогово-2 и Мусохраново-1, датированных началом II тыс. [Илюшин, 1997, с. 31, рис. 21.-17; 29.-27; Илюшин, 1995, с. 16–21]. Уникальный бронзовый тройник относится к типу округлых прорезных, цельнолитых, с рельефным изображением кошачьего животного и антропологических личин (рис. 2.-1). Аналогичные по конструкции и функциональному назначению предметы, но с рельефным геометрическим или растительным орнаментом в Кузнецкой котловине известны со 2-й половины VIII по XII в. на памятниках саратовской археологической культуры (Сапогово, Сапогово-2 и Саратовка) [Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, с. 24, рис. 42.-12; Илюшин, 1997, с. 32, рис. 31.-13, 14; 1999а, с. 34, рис. 9.-30].

Бронзовые наконечники ремней относятся к трем типам: щитковый, цельнолитой, удлинённый с заovalёнными углами окончания без орнамента, в разном исполнении (рис. 2.-4, 10); щитковый, цельнолитой, удлинённый с заovalёнными углами с рельефным растительным орнаментом, в разном исполнении (рис. 2.-14, 15, 17); щитковый, цельнолитой, удлинённо-пятиугольный с заovalёнными углами окончания и рельефным растительным орнаментом (рис. 2.-18). Бронзовые бляхи-накладки, украшавшие ремни конского снаряжения, относятся к четырем типам: сердцевидная, сферическая, цельнолитая (рис. 2.-5, 6); сердцевидная, цельнолитая, плоская, с рельефным растительным орнаментом (рис. 2.-19, 20); ажурная, цельнолитая, с рельефными краями и растительным орнаментом, с овальным отверстием (рис. 2.-13); цельнолитая, рельефная личина бородатого мужчины (рис. 2.-7). Из предметов торевтики выделяются бронзовая бляха-накладка в виде личины и тройник с изображением трех личин по краям и представителя кошачьих (ирбис?) с высоко поднятым хвостом в центре (рис. 2.-1, 7). Г.Г. Король [2008, с. 95–111, табл. 12.-8, 13] по иконографическим особенностям включила эти находки в 3-ю группу подобных изделий конца I – начала II тыс., найденных на Саяно-Алтае, и отметила, что отдельные особенности этой группы указывают на восточнотуркестанские и среднеазиатские истоки. Растительный орнамент в виде разнообразных пальмет и бутонов на других найденных при раскопках кургана изделиях торевтики (рис. 2.-13–15, 17, 19, 20), украшавших конское снаряжение, тоже имеет среднеазиатские корни. Известно, что подобные изделия были широко распространены в конце I – начале II тыс. на Саяно-Алтае [Король, 2008, с. 162–164, табл. 18; Конькова, Король, 2008, с. 185–191; Кызласов, Король, 1990, с. 120–122; и др.]. Бронзовые сферические цельнолитые бляхи сердцевидной формы (рис. 2.-5, 6) имеют аналоги в материалах начала II тыс. из раскопок курганов №1 и 46 на могильнике Саратовка, где они были серебряными [Илюшин, 1999а, с. 36, рис. 5.-13; 8.-14–16; 9.-28; 59.-10; 74].

К находкам из категории предметов одежды и украшений отнесены железная пряжка, ременные наконечники, бляхи и бронзовая серьга (рис. 2.-8; 3.-28–38). Железная пряжка классифицируется как овальнорамчатая с подвижным язычком и неподвижным щитком подчетырёхугольной формы с заovalёнными углами (рис. 3.-38). Пряжка такого типа была найдена в Кузнецкой котловине при раскопках курганной группы Беково XI–XII вв. [Илюшин, 1993б, с. 27, 39, рис. 48.-7]. Железные ременные бляхи относятся к трем типам: четырёхугольная с овальным отверстием (рис. 3.-30); подовальная с овальным отверстием (рис. 3.-31, 36, 37); плоская подтреугольная (рис. 3.-29, 35). Бляхи первого и второго типа в Кузнецкой котловине бытовали со 2-й половины VIII по XII в. Они известны на погребальных памятниках саратовской археологической культуры Сапого-

во и Сапогово-2 [Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, с. 26, рис. 49.-1-4, 6, 10; 50.-16, 19-21; 51.-1-5; 58; Илюшин, 1997, с. 35-36, рис. 20.-22-24].

Железные наконечники ремней представлены двумя типами: щитковые, сегментовидные с заovalенными краями окончания (рис. 3.-34) и щитковые, удлиненно-четырёхугольные с заovalенными углами окончания (рис. 3.-32, 33). Изделие первого типа имеет аналогии на курганном могильнике XIII-XIV вв. Торопово-1, а второго – на курганном могильнике XI-XIII вв. Ур-Бедари в Кузнецкой котловине [Илюшин, 1999б, с. 45, рис. 52.-2; 2005, с. 40].

Бронзовая серьга (рис. 2.-8) относится к типу кольчатых. Такие серьги в Кузнецкой котловине известны с VII по XIV в. [Илюшин, 2011, с. 119-122]. В Сибири подобные украшения бытовали с конца I тыс. до позднего Средневековья [Кунгуров, Тишкин, 2006, рис. 2.-5, 6; Молодин, 1979, с. 95; Плетнева, 1990, с. 93; Сенотрусова, 2013, с. 287; и др.].

Из предметов культового назначения были найдены фрагменты двух бронзовых бубенцов, которые относятся к типу круглых с петлей для крепления и прорезью в нижней части. На территории Кузнецкой котловины аналогичные изделия появились в конце I тыс. и использовались в развитом Средневековье. Они известны на погребальных памятниках Ваганово-1, Сапогово, Сапогово-2 и Конево [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, рис. 51.-2, 3; Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, рис. 34.-15, 16; 43.-25; Илюшин, 2012, рис. 30.-24, 25, 28, 29; 31.-35].

Предметы труда и быта представлены двумя изделиями. Каменный оселок (точило) по своей форме относится к типу брусковидных (рис. 3.-27). Находки таких изделий в могилах воинов – характерная черта культуры населения Кузнецкой котловины развитого Средневековья. Их находили, как правило, в воинских захоронениях при раскопках погребальных памятников Калтышино-2, Сапогово-1, Сапогово-2, Торопово-1, Мостовая и Конево, датированных разными интервалами в пределах XI-XIV вв. [Васютин А.С., Васютин А.С., Онищенко, 2012, с. 119, рис. 21а.-19; Илюшин, 1990, рис. 2.-5; 1994, рис. 2.-7; 1997, с. 56, рис. 18.-1; 1999б, с. 68, рис. 6.-4; 52.-5; 2012, с. 46, рис. 47.-5; Илюшин, Ковалевский, Сулейменов, 1996, рис. 3.-7]. Найденное в кургане железное кресало (рис. 4.-49) можно отнести к типу овальных уплощенно-сферических. Оно отражает эволюцию железных овальных сферических кресал у населения Кузнецкой котловины. Впервые подобное изделие было найдено на курганном могильнике Сапогово, датированном 2-й половиной VIII – 1-й половиной IX в. [Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, с. 28, рис. 49.-1; 50.-1].

Заключение

Новые материалы из раскопок кургана №1 памятника Бирюля позволяют интерпретировать его как погребальный объект, сооруженный для представителей элиты местного средневекового общества. На это указывают находки (боевой топор, палаш и изделия торевтики) и способ захоронения (кремация на стороне вместе с тушей лошади). Сравнительный анализ элементов погребального обряда и находок из раскопок кургана №1 на курганной группе Бирюля с другими погребальными памятниками Кузнецкой котловины свидетельствует, что наибольшее сходство он имеет с курганом-кладбищем Сапогово-2 (анalogии составляют порядка 61%), а также курганными могильниками Сапогово и Саратовка (сходство 55% и 50%). Это обстоятельство и приведенные аналогии позволяют датировать раскопанный объект XI-XII вв. и отнести его к саратовской археологической культуре на третьем этапе ее развития в Кузнецкой

котловине, который характеризуется развитием в русле прежних традиций и появлением отдельных инноваций в предметном комплексе [Илюшин, 2005, с. 112–113]. Достаточно низкий процент сходства с синхронными и однокультурными средневековыми погребальными памятниками Кузнецкой котловины свидетельствует об уникальности и своеобразии курганной группы Бирюля среди них, что указывает на сложную и мозаичную этнокультурную ситуацию в регионе в предмонгольский период истории.

Библиографический список

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск : Изд-во ОГПУ, 2000. 256 с.
- Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск : Изд-во ТГУ, 1996. 272 с.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во ТГУ, 1983. 240 с.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. Кемерово : ИНТ, 2010. 276 с.
- Борисов В.А. Захоронение средневекового воина по обряду кремации на стороне в Кузнецкой котловине // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 39–42.
- Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине IX в. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово : ОФСЕТ, 2012. 213 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Илюшин А.М. Погребения по обряду кремации на могильнике Ур-Бедари (по раскопкам М.Г. Елькина в 1965 году) // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск : ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 46–61.
- Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках в Гурьевском и Ленинск-Кузнецком районах Кемеровской области. Кемерово, 1993а. 63 с.
- Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1993б. 116 с.
- Илюшин А.М. Средневековые курганы со рвами в Кузнецкой котловине (хронология и культурная принадлежность) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1994. С. 103–111.
- Илюшин А.М. Отчет о полевых археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1995 году. Кемерово, 1995. 363 с.
- Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. 119 с.
- Илюшин А.М. Курганная группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск : КузГТУ, 1998. С. 54–78.
- Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово : КузГТУ, 1999а. 160 с.
- Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово : КузГТУ, 1999б. 208 с.
- Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2002 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2003. 74 с.
- Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово : КузГТУ, 2005. 240 с.
- Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2006 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2007. 74 с.
- Илюшин А.М. Элитное оружие ближнего боя у средневекового населения Кузнецкой котловины (к вопросу об эволюции боевых топоров на северной периферии Саяно-Алтая) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4/4. С. 96–100.
- Илюшин А.М. Железные наконечники стрел из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №4/1. С. 120–133.

Илюшин А.М. Серьги у средневекового населения Кузнецкой котловины // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Вып. III. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. С. 119–122.

Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово : КузГТУ, 2012. 188 с.

Илюшин А.М. Курганная группа Калтышино-1 (классификация артефактов и типолого-хронологический анализ материалов) // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего. Т. II. Кемерово : ЗапСибНЦ, 2016. С. 12–15.

Илюшин А.М. Курганная группа Мостовая (классификация, типолого-хронологический и культурно-исторический анализ материалов) // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего. Т. I. Кемерово : ЗапСибНЦ, 2017а. С. 38–41.

Илюшин А.М. Комплекс вооружения кочевников Восточного Дашт-и-Кипчак (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-3) // Археология евразийских степей. 2017б. №5. С. 144–151.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2006 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №1. С. 98–100.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2006 года. М. : Наука, 2009. С. 574–575.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2002 года. М. : Наука, 2003. С. 366–367.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1996. 206 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск : НГУ, 1992. 126 с.

Историко-культурное наследие Кузбасса: сборник нормативных актов. Кемерово, 2007. 206 с.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Художественно-технологические особенности наиболее распространенной группы средневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая // Археология степной Евразии. Кемерово : КузГТУ, 2008. С. 185–200.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Плановые археологические исследования в Первомайском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул : Азбука, 2006. С. 260–265.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М. : Наука, 1990, 216 с.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск : Наука, 1979. 182 с.

Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 168–172.

Нестеров С.П., Милютин К.И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 156–177.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск : Изд-во ТГУ, 1990. 134 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во ТГУ, 1997. 350 с.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул : Азбука, 2009. 208 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино-1 (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. С. 77–99.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск : Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

References

- Adamov A.A. Novosibirskoe Priob'ye v X–XIV vv. [Novosibirsk Ob in the 10–14th Centuries]. Tobol'sk; Omsk : Izd-vo OGPU, 2000. 256 p.
- Belikova O.B. Srednee Prichulym'ye v X–XIII vv. [Middle Prichulymye in the 10–13th Centuries]. Tomsk : Izd-vo TGU, 1996. 272 p.
- Belikova O.B., Pletneva L.M. Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e. [Sites of the Tomsk Ob in the 5th–8th Centuries]. Tomsk : Izd-vo TGU, 1983. 240 p.
- Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Onishchenko S.S. Vaganovskij kurgannyj nekropol' IX v. n.e. v Prislair'e [Vaganovsky Mound Necropolis of the 9th Century AD in the Trans-Salaire]. Kemerovo : INT, 2010. 276 p.
- Borisov V.A. Zahoronenie srednevekovogo voina po obyadu kremacii na storone v Kuzneckoj kotlovine [Burial of a Medieval Warrior according to the Rite of Cremation on the Side in the Kuznetsk Depression]. Altae-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami [Altai-Sayan Mountain Country and the History of its Development by Nomads]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. Pp. 39–42.
- Vasyutin A.S., Vasyutin S.A., Onishchenko S.S. Kaltyshinskij arheologicheskij mikrorajon v konce VIII – pervoj polovine IX v. n.e.: priroda i kul'tura (stepnoe Prislair'e) [Kaltyshinsky Archaeological Microdistrict at the End of the 8th – the First Half of the 9th Century AD: Nature and Culture (Steppe Prislairye)]. Kemerovo : OFSET, 2012. 213 p.
- Gorbunov V.V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [The Military Affairs of the Population of Altai in the 3rd–14th Centuries. Part II. Offensive Weapons]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. 232 p.
- Ilyushin A.M. Pogrebeniya po obyadu kremacii na mogil'nike Ur-Bedari (po raskopkam M.G. El'kina v 1965 godu) [Burials according to the Cremation Rite at the Ur-Bedari Burial Ground (from the Excavations of M.G. Yelkin in 1965)]. Pamyatniki kyrgyzskoj kul'tury v Severnoj i Central'noj Azii [The Sites of Kyrgyz Culture in North and Central Asia]. Novosibirsk : IIFF SO AN SSSR, 1990. Pp. 46–61.
- Ilyushin A.M. Otchet ob arheologicheskikh razvedkah v Gur'evskom i Leninsk-Kuzneckom rajonah Kemerovskoj oblasti [Report on Archaeological Explorations in the Guryev and Leninsk-Kuznetsk Districts of the Kemerovo Region]. Kemerovo, 1993a. 63 p.
- Ilyushin A.M. Kurgany srednevekovyh kochevnikov doliny reki Bachat [Mounds of Medieval Nomads of the Bachat River Valley]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1993b. 116 p.
- Ilyushin A.M. Srednevekovye kurgany so rvami v Kuzneckoj kotlovine (hronologiya i kul'turnaya pri-nadlezhnost') [Medieval Burial Mounds in the Kuznetsk Depression (Chronology and Cultural Affiliation)]. Etnokul'turnye processy v Iuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v I–II tysyacheletii n.e. [Ethnocultural Processes in South Siberia and Central Asia in the 1st–2nd Millennium A.D.]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1994. Pp. 103–111.
- Ilyushin A.M. Otchet o polevyh arheologicheskikh issledovaniyah Kuzneckoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoij ekspedicii v 1995 godu [Report on Field Archaeological Research of the Kuznetsk Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition in 1995]. Kemerovo, 1995. 363 p.
- Ilyushin A.M. Kurgan-kladbishche v doline r. Kas'my kak istochnik po srednevekovoj istorii Kuzneckoj kotloviny [Barrow Cemetery in the Valley of the River Kasma as a Source on the Medieval History of the Kuznetsk Depression]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1997. 119 p.
- Ilyushin A.M. Kurgannaya gruppa Shabanovo-3 [Barrow Group Shabanovo-3]. Voprosy arheologii Severnoj i Central'noj Azii [Questions of Archaeology of North and Central Asia]. Kemerovo; Gur'evsk : Izd-vo KuzGTU, 1998. Pp. 54–78.
- Ilyushin A.M. Mogil'nik Saratovka: publikaciya materialov i opyt etnoarheologicheskogo issledovaniya [Burial Ground Saratovka: Publication of Materials and Experience of Ethno-Archaeological Research]. Kemerovo : Izd-vo KuzGTU, 1999a. 160 p.
- Ilyushin A.M. Naselenie Kuzneckoj kotloviny v period razvitogo srednevekov'ya (po materialam raskopok kurgannogo mogil'nika Toropovo-1) [The Population of the Kuznetsk Depression during the Developed Middle Ages (Based on Excavations of the Burial Mound Toropovo-1)]. Kemerovo : Izd-vo KuzGTU, 1999b. 208 p.
- Ilyushin A.M. Otchet ob arheologicheskikh razvedkah Kuzneckoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoij ekspedicii v 2002 godu na territorii Kemerovskoj oblasti [Report on Archaeological Explorations of the Kuznetsk Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition in 2002 in the Kemerovo Region]. Kemerovo, 2003. 74 p.

Ilyushin A.M. Etnokul'turnaya istoriya Kuzneckoj kotloviny v epohu srednevekov'ya [Ethnocultural History of the Kuznetsk Basin in the Middle Ages]. Kemerovo : Izd-vo KuzGTU, 2005. 240 p.

Ilyushin A.M. Otchet ob arheologicheskikh razvedkakh Kuzneckoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoj ekspedicii v 2006 godu na territorii Kemerovskoj oblasti [Report on Archaeological Exploration of the Kuznetsk Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition in 2006 in the Territory of the Kemerovo Region]. Kemerovo, 2007. 74 p.

Ilyushin A.M. Elitnoe oruzhie blizhnego boya u srednevekovogo naseleniya Kuzneckoj kotloviny (k voprosu ob evolyucii boevykh toporov na severnoj periferii Sayano-Altaya) [Elite Melee Weapons in the Medieval Population of the Kuznetsk Depression (on the Evolution of Battle Axes on the Northern Periphery of Sayano-Altai)]. Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. 2009. №4/4. Pp. 96–100.

Ilyushin A.M. Zheleznye nakonechniki strel iz srednevekovykh kurganov Kuzneckoj kotloviny [Iron Arrowheads from Medieval Mounds of the Kuznetsk Depression]. Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. 2010. №4/1. Pp. 120–133.

Ilyushin A.M. Ser'gi u srednevekovogo naseleniya Kuzneckoj kotloviny [Earrings in the Medieval Population of the Kuznetsk Basin]. Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa (aktual'nye problemy izucheniya i ohrany pamyatnikov arheologii). Vyp. III [Historical and Cultural Heritage of the Kuzbass (Actual Problems of the Study and Protection of Archaeological Sites). Issue III]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2011. Pp. 119–122.

Ilyushin A.M. Kurgany pozdnykh kochevnikov bliz ust'ya Ura [Late Nomad Mounds Near the Mouth of Ur]. Kemerovo : Izd-vo KuzGTU, 2012. 188 p.

Ilyushin A.M. Kurgannaya gruppa Kaltyshino-1 (klassifikaciya artefaktov i tipologo-hronologicheskij analiz materialov). T. II [Kurgan Group Kaltyshino-1 (Classification of Artifacts and Typological-Chronological Analysis of Materials)]. Nauchno-tehnicheskij progress: aktual'nye i perspektivnye napravleniya budushchego [Scientific and Technological Progress: Current and Future Directions of the Future. Vol. II]. Kemerovo : ZapSibNC, 2016. Pp. 12–15.

Ilyushin A.M. Kurgannaya gruppa Mostovaya (klassifikaciya, tipologo-hronologicheskij i kul'turno-istoricheskij analiz materialov) [Mostova Kurgan Group (Classification, Typological-Chronological and Cultural-Historical Analysis of Materials)]. Nauchno-tehnicheskij progress: aktual'nye i perspektivnye napravleniya budushchego. T. I [Scientific and Technological Progress: Current and Perspective Directions of the Future. Vol. I]. Kemerovo : ZapSibNC, 2017a. Pp. 38–41.

Ilyushin A.M. Kompleks vooruzheniya kochevnikov Vostochnogo Dasht-i-Kipchak (po materialam raskopok kurgannoj grupy Musokhranovo-3) [The Armament Complex of East Dasht-i-Kipchak Nomads (Based on Excavations of the Musokhranovo-3 Kurgan Group)]. Arheologiya evrazijskikh stepej [Archaeology of the Eurasian Steppes]. 2017b. №5. Pp. 144–151.

Ilyushin A.M., Borisov V.A., But'yan V.A., Sulejmenov M.G. Issledovaniya Kuzneckoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoj ekspedicii v 2006 godu [Studies of the Kuznetsk Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition in 2006]. Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tehniceskogo universiteta [Bulletin of the Kuzbass State Technical University]. 2007. №1. Pp. 98–100.

Ilyushin A.M., Borisov V.A., But'yan V.A., Sulejmenov M.G. Issledovaniya Kuzneckoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoj ekspedicii [Studies of the Kuznetsk Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition]. Arheologicheskie otkrytiya 2006 goda [Archaeological Discoveries of 2006]. M. : Nauka, 2009. Pp. 574–575.

Ilyushin A.M., Kovalevskij S.A. Polevye issledovaniya Kuzneckoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoj ekspedicii [Field Studies of the Kuznetsk Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition]. Arheologicheskie otkrytiya 2002 goda [Archaeological Discoveries of 2002]. M. : Nauka, 2003. Pp. 366–367.

Ilyushin A.M., Kovalevskij S.A., Sulejmenov M.G. Avarijnye raskopki kurganov bliz s. Sapogovo [Emergency Excavations of Mounds Near the Village of Sapogovo]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1996. 206 Pp.

Ilyushin A.M., Sulejmenov M.G., Guz' V.B., Starodubcev A.G. Mogil'nik Sapogovo – pamyatnik drevnetyurkskoj epohi v Kuzneckoj kotlovine [Sapogovo Burial Ground – a Site of the Ancient Turkic Era in the Kuznetsk Hollow]. Novosibirsk : Izd-vo NGU, 1992. 126 Pp.

Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa: sbornik normativnyh aktov [The Historical and Cultural Heritage of Kuzbass: a Collection of Regulatory Acts]. Kemerovo, 2007. 206 p.

Kon'kova L.V., Korol' G.G. Hudozhestvenno-tehnologicheskie osobennosti naibolee rasprostranennoj grupy srednevekovoj torevniki malyh form Sayano-Altaya [Artistic and Technological Features of the

Most Common Group of Medieval Toreutics of Small Forms of Sayano-Altai]. *Arheologiya stepnoy Evrazii* [Archaeology of Steppe Eurasia]. Kemerovo : Izd-vo KuzGTU, 2008. Pp. 185–200.

Korol' G.G. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki. M.* [The Art of Medieval Nomads of Eurasia. Essays]. M.; Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2008. 332 Pp.

Kungurov A.L., Tishkin A.A. *Planovye arheologicheskie issledovaniya v Pervomajskom rajone Altajskogo kraja* [Scheduled Archaeological Research in the Pervomajsky District of the Altai Territory]. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja. Vyp. XV* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory.]. Barnaul : Azbuka, 2006. Pp. 260–265.

Kyzlasov L.R., Korol' G.G. *Dekorativnoe iskusstvo srednevekovykh hakasov kak istoricheskij istochnik* [Decorative Art of Medieval Khakasas as a Historical Source]. M. : Nauka, 1990, 216 Pp.

Molodin V.I. *Kyshtovskij mogil'nik* [Kyshtovsky Burial Ground]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 182 p.

Nesterov S.P. *Tesla drevneturkskogo vremeni v Yuzhnoj Sibiri* [Tesla of Ancient Turkic Time in South Siberia]. *Voennoe delo drevnih plemen Sibiri i Central'noj Azii* [Military Science of Ancient Tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 168–172.

Nesterov S.P., Milyutin K.I. *Srednevekovye pamyatniki pod goroj Karali-Yaryk* [Medieval Sites Under the Mountain Karali-Yaryk]. *Voennoe delo i srednevekovaya arheologiya Central'noj Azii* [Military Science and Medieval Archeology of Central Asia]. Kemerovo, 1995. Pp. 156–177.

Pletneva L.M. *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Priobye in the Late Middle Ages (According to Archaeological Sources)]. Tomsk : Izd-vo TGU, 1990. 134 p.

Pletneva L.M. *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Priobye at the Beginning of the 2nd Millennium AD (According to Archaeological Sources)]. Tomsk : Izd-vo TGU, 1997. 350 p.

Tishkin A.A. *Altai v mongol'skoe vremya (po materialam arheologicheskikh pamyatnikov)* [Altai in Mongolian time (Based on Archaeological Sites)]. Barnaul : Azbuka, 2009. 208 p.

Troickaia T.N., Novikov A.V. *Verhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [Upper Ob Culture in Novosibirsk Ob]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998. 152 p.

Savinov D.G. *Mogil'nik Kaltyshino-1 (novye materialy po arheologii nachala II tys. n.e.)* [Kaltyshino-1 Burial Ground (New Materials on Archaeology of the Beginning of the 2nd Millennium AD)]. *Pamyatniki rannego srednevekov'ya Kuzneckoj kotloviny* [Sites of the Early Middle Ages of the Kuznetsk Depression]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1997. Pp. 77–99.

Hudiyakov Yu.S. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov VI–XII vv.* [Armament of the Yenisei Kyrgyz of the 6th – 12th Centuries]. Novosibirsk : Nauka, 1980. 176 p.

Hudiyakov Yu.S. *Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v epohu razvitogo srednevekov'ya* [Armament of Nomads of Southern Siberia and Central Asia in the Era of the Developed Middle Ages]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1997. 160 p.

V.A. Borisov, **A.M. Ilyushin**, **M.G. Suleymenov**

Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

NEW MATERIALS OF BURIALS OF MEDIEVAL ELITE IN THE URSKY ARCHAEOLOGICAL RESIDENTIAL DISTRICT

The article presents the results of excavations at the Biryul burial mound in the Ur Urban Archaeological Microdistrict on the territory of the Kuznetsk Depression. Excavation materials are considered as a single peculiar burial complex, requiring justification of dating and ethnocultural interpretation. The elements of the funeral rite and inventory have been described, classified and analyzed. Based on the typological classification of the finds, a comparative analysis has been carried out with materials from the funerary sites of the Kuznetsk Basin and adjacent territories. During the study, medieval sites have been identified that bear the greatest resemblance to the investigated burial complex: the mound-cemetery of Sapogovo-2 and the burial mounds of Sapogovo and Saratovka. By analogy to the inventory and the proximity of the burial sites, the Biryulya Kurgan group was dated to the 11th–12th centuries and attributed to the Saratov archaeological culture at the third stage of its development in the Kuznetsk depression. It is noted that the investigated burial complex belongs to the elite category and has a high level of uniqueness with respect to synchronous and monocultural sites.

Key words: Kuznetsk hollow, Saratov culture, the Middle Ages, funerary site, inventory.